

Не все положения автора могут быть приняты безоговорочно. Так, например, истоки городского народного искусства Н. Шкарковская находит в глубокой древности — в творчестве иконописцев XVI—XVII вв., отступавших от ортодоксальных канонов, ремесленников, работавших вне цеха, и других живописцев, которые шли «вразрез с официальными нормами и идеями». Нам представляется это натяжкой. Произведения подобных иконописцев и ремесленников были лишь ответвлением от общего русла древнерусского изобразительного искусства, еще не знавшего разделения на «ученое» и «непрофессиональное», городское и деревенское. Городской изобразительный фольклор как самостоятельный компонент в общей системе художественной и материально-бытовой культуры общества мог сложиться только во второй половине XVIII — начале XIX в. в прямой зависимости от роста городов как центров социально-экономической и культурной жизни, от определенного уровня общественно-го самосознания торгово-промышленных, ремесленных, рабочих, мещанских, разночинных слоев городского демоса. Только тогда он приобретает и типологическую определенность, и ту этнологическую информативность, которые придают ему значимость крупного явления национального искусства и ценнейшего источника знаний о жизни, быте и исторической эволюции народа.

Альбом «Народное самодеятельное искусство», восполняя существенный пробел в искусствоведении, приобретает таким образом интерес и для специалистов, занимающихся другими общественными науками — этнографией, фольклористикой, социологией, историей культуры. Освещающее одну из страниц народного искусства прошлого, ориентированное на его сегодняшний день, издание дает пищу для научно обоснованных прогнозов на будущее народного творчества в нашей стране, в судьбах которого горячо заинтересовано все общество.

Г. С. Островский

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Kustaa Vilkuna. Lohi. Kemijoen ja sen lähialueen lohenkalastuksen historia. Keuruu, 1974, 423 s. + 202 k.

Kustaa Vilkuna. Unternehmen Lachsfang. Die Geschichte der Lachsfischerei in Kemijoki. «Studia Fennica». 19, Helsinki, 1975, 454 s. + 204 Abb.

В конце 1974 г. вышло в свет исследование известного финского ученого Кустаа Вилкуна «Лосось. История лова лосося на р. Кеми и в ее окрестностях». В 1975 г. появился немецкий перевод этого труда, а в 1977 г. вышло в свет его второе издание по-фински. Быстрый выход второго издания свидетельствует, в частности, о том, что книга имела успех у широкого читателя. Это не удивительно: она написана живо и увлекательно и легко читается человеком, даже далеким от этнографических проблем. Весьма целесообразен был и ее перевод на немецкий язык, значительно расширивший круг ознакомившихся с ней специалистов. Это тем более важно, что в ходе исследования автор излагает свои концепции анализа этнографических явлений и взгляды на некоторые проблемы финно-угорской этнографии.

В книге рассматриваются три основных вопроса: роль промысла в историческом развитии Северной Финляндии, общественная организация лова лосося и его техника. Несмотря на то, что в монографии нет историографического очерка, о чем можно лишь пожалеть, совершенно очевидно, что автором использованы разнообразные и многочисленные архивные материалы и публикации документов, обширная литература (явно превышающая данный в конце книги список названий), архивы и фототеки этнографических учреждений Финляндии и скандинавских стран. Значительная часть материалов собрана автором в ходе его полевых исследований, что сегодня не представлялось бы уже возможным в связи с ликвидацией промысла.

Следует сказать, что промысел лосося — одна из тех тем, которыми К. Вилкуна занимался в течение всей своей полувековой научной деятельности. Его первые работы о рыболовстве появились еще в 1930-х годах, и с тех пор он постоянно публиковал исследования по различным аспектам этой темы: формам рыболовецких коллективов, организации раздела улова рыбы между участниками, орудиям лова и этимологическому анализу терминологии.

Несомненно, что только в результате многолетней работы и мог появиться труд, столь широкий по кругу охваченных вопросов, многие главы которого представляют собой отдельные исследования.

Книга, состоящая из 31 главы, подразделяется на четыре больших раздела: «Природные условия и исторические события», «Методы речного рыболовства», «Морское рыболовство», «Жизнь вокруг улова», она имеет также введение и заключение. Прилагаются список литературы, терминологический словарь и указатель. Работа богато иллюстрирована различного рода картами, начиная со средневековых, прекрасно выполненными рисунками, схемами устройств снастей, фотографиями разного времени, включая сделанные во время полевых исследований автора.

Принятое автором построение книги довольно сложно и нарушает привычную систему изложения. Так, в частности, описание всей техники и снастей лова дается во второй половине каждого раздела. Поэтому при чтении глав об организации коллективов рыбаков, рыболовецком календаре и других вопросах, включенных в начало раздела, читатель должен заглядывать вперед, чтобы узнать, что представляет собой та или иная снасть, и понять суть дела. Кроме того, возникают и повторения во второй части раздела, когда наряду со снастями описываются формы организации труда. Но автор не просто поступился логикой обычного построения в пользу живости изложения, это отвечало его желанию показать весь сложный механизм лова целостно, в его совокупности, противопоставив таким образом свою систему исследования старым финским работам — в первую очередь трудам У. Сирелиуса — с их эволюционными типологическими рядами рыболовных снастей.

Реки Северной Финляндии — Кеми и Каакама, Торнио и Ии — были основными местами лова лосося, а также морской форели (лаксфорель), морского сига, не говоря о щуке, минге и др. Лов лосося на р. Кеми велся еще в доисторические времена, как это показывают археологические материалы. По документам XVII в. сезонный улов лосося составлял до 3 тыс. бочек, т. е. свыше 350 т.

В первом разделе работы после краткой характеристики специфики промысловых вод, биологических особенностей лосося и его поведения в различное время рыболовецкого сезона, автор анализирует кратко древнейшие данные о рыбном промысле в этих местах и затем переходит к рассмотрению действовавших здесь правовых норм, их развития и изменения под воздействием государственного законодательства. Наиболее ранние средневековые документы свидетельствуют уже о существовании частного права на охотничьи и рыболовецкие угодья — крестьяне могли их обменивать, арендовать и продавать, что совмещалось с высшим правом феодала на эти земли.

Рыбаки, имевшие сезонные угодья, а позже селившиеся на берегах р. Кеми, были из разных мест, как показывают различные источники, в том числе топонимический материал. Здесь рыбачило население из окрестностей Турку-Коройнена, оседали люди из юго-западных частей страны (Вакка-Суоми), из шведской Сигтуны и новгородские карелы. Ведь именно по Кеми проходила вплоть до 1695 г. граница новгородских (с 1471 г. московских) владений, и находившиеся под властью Новгорода карелы выступали здесь сборщиками дани. О границах новгородских владений напоминают здесь и данные топонимии, в том числе Райаойа («пограничный ручей») и связанные с карелами названия о. Валлиту в устье Кеми, и о. Сотисаари («военный остров»), на котором, очевидно, был новгородский форт-кастар. Этим пограничным положением объясняются, видимо, и некоторые особенности налогообложения (стр. 272 и сл.), а также некоторые столкновения между жителями с Кеми и населением с Каакама (стр. 269)¹.

Как известно, по средневековым нормам было принято считать, что «чей берег, того и вода», но наряду с этим феодальное право отдавало феодалу половину улова из этих вод. Наряду с государством свою долю от улова требовала и церковь. Православная церковь не проводила здесь насильственного крещения и не притязала на десятину, но иначе обстояло дело с католической церковью. В устье Кеми число постоянных жителей в XII—XIV вв. было невелико, построенная здесь в это время церковь не имела своего причта, и служба в ней велась только летом. Однако десятину духовные власти получали исправно — она шла непосредственно епископу Турку. Церковь охотно разрешала рыбакам даже отступления от церковной дисциплины и допускала лов в субботу, беря и с него также свою долю. Автор весьма интересно излагает сложные перипетии взаимоотношений церкви и государства в этом вопросе, приведшие к редукции десятины в XVI в. Показано также, как этот доход в конце концов ускользнул из рук светских властей, да, впрочем, и турецкого епископа и перешел к местным пасторам. В середине XIX в. доходы их только от промысла лосося составляли примерно 20 тыс. золотых марок. Оулуское духовенство благодаря своим огромным доходам занимало особое место и играло немалую роль в политической и культурной жизни страны. Церковная десятina взималась до конца существования промысла; на одной из фотографий изображен даже момент получения одним из местных пасторов своей доли на месте улова в 1948 г. (рис. 14), на другой — выделение пасторской десятины в 1946 г. (рис. 187).

Исследователь подробно рассматривает государственное законодательство, связанное с рыболовством. Государство, с одной стороны, многое восприняло из ранних норм обычного права в вопросах владения и пользования рыболовецкими угодьями, с другой — издавало законодательные акты, которые влияли на организацию лова и форм трудовых коллективов рыбаков. Автор отмечает, что шведская казна начала

¹ Ссылки в тексте рецензии даются по немецкому изданию.

свои поборы с рыбаков еще в то время, когда эти земли принадлежали Новгороду. Первоначально единицей обложения, как и в охотничьем промысле, был взрослый мужчина — (охотничий) «лук», даже и сбор назывался «лучным дососем» (Bāga-lax. bogelax). С течением времени в результате борьбы со злоупотреблениями местных властей и крестьянских ходатайств в риксдаг, в начале XVII в. был принят закон о постоянной норме поставок лосося казне (135 бочек, или 15,865 кг), который фактически действовал до конца XIX в. Наряду с этим были введены и новые нормы обложения рыбаков пропорционально размерам земельных владений их двора. Поскольку рыбаки не имели больших наделов, обложение многих дворов снизилось, что одновременно означало уменьшение их доли в работах на промысле и соответственно снижение причитающейся им доли улова. Это было особенно невыгодно для дворов с большими семьями, выставивших ранее по несколько работников и имевших, таким образом, несколько долей в улове. Наряду с борьбой крестьян с правительством за восстановление старой формы обложения по числу работников, что привело все же к возникновению «лососевых гуф», несколько отличных от земельных, шла беспрерывная борьба между разными рыболовными коллективами за лучшие угодья на реке. В итоге государство ввело строгую систему чередования в пользовании угодьями, и те рыбаки, которые один год ловили на самых нижних заколах, на следующий год переходили на самые верхние по течению. В итоге оказались точно определенными все места общественных (по закону — казенных) заколов и число рыболовецких коллективов — *куллекунт*.

Что именно представлял собой этот коллектив, автор решает, сопоставляя данные различного характера (гл. VII, § 1). Сам термин «куллекунта» производит впечатление весьма древнего: первую часть его составляет название одной из древнейших форм сетей — *кулле*, вторую — старинное название коллектива — *кунта*. Проводя детальный анализ всей терминологии и форм подразделения этого коллектива, автор устанавливает, что в этой организации скрыты два разных слоя. Более древний возник в то время, когда обложение велось еще подушно в форме «лучного лосося». Эта норма обложения одного человека в год называлась также *веро*. К. Вилкуна обращает внимание на то, что термин «веро», означавший первоначально гостевую трапезу, происходит из карельско-новгородского права и является наследием его на Кемь.

Второй слой терминов, связанных с куллекунтой, относится уже к периоду нового обложения рыбаков в XVII в. Таким образом, автор приходит к выводу, что, несмотря на кажущуюся древность термина, он относился не к коллективу общинного характера, а возник сравнительно поздно под влиянием государственного законодательства и был связан с соответствующим способом дележа улова, а также распределения трудовых обязанностей между его членами.

В рецензии нет возможности останавливаться на всех тех формах снастей — от больших коллективных заколов до лова рыбы удочкой, которые детально описаны и проиллюстрированы в разделах о речном и морском рыболовстве. Можно сказать лишь, как это сделано. Автор строит свое изложение так, чтобы проиллюстрировать положение о том, что в течение сезона рыбаки использовали весь комплекс снастей, от самых сложных до самых простых, в зависимости от того, какая из них была в данный момент или на данном месте наиболее целесообразной. Различия в выборе того или иного варианта этой снасти определялись в свою очередь особенностями русла, течения и другими аналогичными факторами. Начиная с наиболее важных и первыми вступавших в действие речных снастей — заколов, автор прежде всего дает таблицу всех заколов (хотя не все из них строились каждый год), с их названием по местоположению, принадлежностью (частному владельцу или коллективу), длиной и формой каждого, количеством мереж или коленчатых сетей, наличием рыбного садка-загона и т. д. (стр. 134—138). Далее следует описание разных заколов с точным определением их специфики. Так, береговые заколы (находившиеся в частном владении) ставились в половодье, при самой высокой воде и затем использовались осенью вторично при ходе вверх по реке лаксфорели. Это были жердевые заколы, сооружавшиеся на конце небольших кос. Ловушкой для рыбы служила поперечно заколу поставленная коленчатая сеть (*potku*), которая образовывала один или несколько острых углов, или мережа. Эти заколы шли от берега лишь до стрегня. В тех случаях, когда река делилась на несколько рукавов, боковой рукав перегораживали совсем, ставя заколы с мережами. Это было возможно лишь в том случае, если и в боковом рукаве течение было достаточно сильным, иначе рыба по нему не шла. Одна из особенно мощных конструкций, так называемый тайник (*taiPIO*), ставился на водоворотах и стремнинах без порогов, т. е. в местах особенно сильного течения. Такой закол был сплошь деревянным и имел в центре сердцевидный садок для рыбы. Острые садка, обращенное навстречу течению, позволяло заколу выдерживать напор воды.

В XX в. заколы исчезли, но топонимические данные позволяют судить об их ранее широком распространении. Наибольшее внимание автор уделяет заколам с «корзиной» (*karsina*). Эта форма закола вступала в действие после спада половодья и ставилась на местах с ровным дном, далеко уходя от берега — до самого фарватера, поскольку чем ниже спадала вода, тем ближе к центру русла шла рыба. Главным признаком его было наличие «корзины» — большого (400—500 м²) садка-загона, куда собиралась идущая вдоль сети в поисках выхода рыба. Из такого большого садка рыбу вылавливали спиральным неводом — кулле, забрасывавшимся с лодок. Автор вы-

ражает мнение, что изобретение такой формы закола было довольно поздним и связывает с ним неожиданно резко возросшие размеры улова в XVI в., о чем позволяют судить уплачивавшиеся с промысла налоги.

Автором убедительно показано мастерство крестьян, ставивших заколы, где все должно быть рассчитано с предельной точностью: количество строительного материала (его заготовливали зимой), линия, по которой шел закол, плотность его стен (слишком редкий пропускал рыбу, слишком плотный сносила вода), места установки мерей, сетей, поворотов крыльев закола и т. д. Наряду с большим опытом нужно было и постоянное внимание к тому, не изменилось ли что-либо в русле или течении реки и т. д.

Автор рассматривает другие виды снастей, употреблявшихся позднее, когда рыба прекращала подниматься вверх по течению: сети типа спиральных и простых неводов, дрейфовые и донные ставные сети; описывался также лов лосося саком на стремнинах и снасти для лова его на порогах, лучение острогой в осенний период, когда лосось ходил вдоль берега в местах с гравиевым дном и легким течением, лов на блесну и т. д.

В разделе о морском рыболовстве также анализируются данные о правах на угодья, формы их налогообложения, система смены угодий для равных возможностей улова и т. д. При рассмотрении системы смены угодий Вилкуна приводит в качестве сравнения материал о сменной системе у саамов Петсамо и Паатсайоки, представляющий самостоятельный интерес. Так же детально, как и в разделе о речном рыболовстве, рассмотрены снасти и их функциональные особенности.

В последней части книги автор рассказывает о методах раздела и распределения улова, способах консервации рыбы (засолка, копчение, хранение на льду), организации этих работ и сбыта улова. Автор живо рассказывает о традициях в быту рыболовных коллективов, живущих у тонеи. В заключении есть некоторые сведения о рыбацких дворах и жизни в них вообще. Пожалуй, недостаточно сказано о том, какую роль играли в жизни крестьян кемийских деревень остальные хозяйственные занятия — земледелие, животноводство, другие промыслы. Для более ясного представления об экономике рыбацкого двора, может быть, следовало бы где-то в разделах об обложении крестьян попытаться подвести итог и посмотреть, что же оставалось в итоге самому рыбаку после всех поборов.

Кстати, хотелось бы видеть в следующем издании работы исправленными некоторые цифровые ошибки, которые мешают разобраться в системе распределения доходов и расходов при описании закола Кёнгяс (стр. 177). Также не совпадают при сравнении названные автором (с. 19) средний вес лосося, количество и вес выловленной рыбы. Попутно упомянем, что следовало бы исправить и некоторые другие досадные мелочи — на рис. 15 видны пять сараев, но в обеих книгах говорится о четырех. Годом присоединения Новгорода к Москве принято считать 1471, а не 1481 г. (стр. 75).

Возвращаясь к заключительным разделам книги, отметим, что весьма интересны данные, касающиеся некоторых древних элементов в воззрениях финских крестьян. Это, в частности, сведения о языческих идолах, изображавших хозяев воды «изо-изянтя» (iso-isäntä — большой хозяин), которые еще в середине прошлого века стояли в укромных лесных уголках неподалеку от промыслов. Им регулярно приносились жертвы и их тщательно скрывали от местного духовенства. Автор указывает на их сходство с сейдами саамов (стр. 410—413). Интересны также данные о запретах на произнесение названия промысловой рыбы, что привело к заимствованию названий этих пород рыб у соседних народов — обычай, которому известно много параллелей (стр. 43—44).

Описывая сокращение промыслов в связи с развитием на Кемии лесосплава, а затем окончательную гибель промысла после постройки электростанции, автор не скрывает того, что его симпатии остаются на стороне крестьян, а не промышленников. Нужно сказать, что это отнюдь не печаль о «доиндустриальном прошлом». К. Вилкуна указывает на то, что электроэнергия Кемии не используется на месте, в то время как в стране вообще нет недостатка в ресурсах гидроэнергии. Его высказывания скорее носят обличающий характер и звучат весьма актуально в период, когда человечество борется за охрану окружающей среды.

Как мы уже отмечали, весь ход исследования и метод подачи материала имеют определенную направленность. Автор стремился показать, что помимо тех трех измерений, которые клал в основу этнографических исследований Сигурд Эриксон — исторического, географического и социального, необходимо ввести еще одно — функциональное, т. е. изучить роль и функции явления в системе культуры. Именно такой подход к изучению рыболовных снастей позволил понять, почему рыбаки вплоть до начала XX в. сохранили сложный комплекс снастей самого различного «уровня развития» и назначения: они составляли целостный комплекс, обеспечивающий возможность лова в любое время сезона, в любых местах реки и морского побережья, при любом течении и разных формах поведения рыбы в разные периоды. В нескольких местах книги К. Вилкуна возвращается к полемике с У. Т. Сирелиусом (стр. 11, 35, 127, 183, 196 и др.). Свои взгляды по этому вопросу он излагал и ранее², но нигде, пожалуй,

² См. например: *Кустаа Вилкуна*. Этнографическое изучение промысла лосося в Финляндии. — «Сов. этнография», 1956, № 4.

они не нашли столь полного обоснования, как в рассматриваемой книге. Это, кстати, вопрос не просто метода изучения явлений народной культуры. У старых финских этнографов примерно в форме такого же «ряда» рассматривались и народы угро-финской языковой семьи в целом — вне оценки реальных исторических и социальных факторов их развития, а также в сущности и вне связи их с соседними народами. О неправильности этих позиций и необходимости ареальных исследований К. Вилкуна довольно подробно высказывался на последнем Финно-угорском конгрессе³ и об этом, разумеется, нет возможности говорить в рамках рецензии.

А. А. Лутс, Н. В. Шлыгина

³ К. *Vilkuna*. Sprachgrenze, ethnische Grenze, kulturelle Grenze.— «Congressus Quartus Internationalis Fennо-Ugristarum», р. I. Budapest, 1975, S. 49—61.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

R. Dor. Contribution à l'étude des Kirghiz du Pamir Afghan («Cahiers Turcica», I). Paris, 1975, 341 p.

С выходом в свет книги Реми Дора мы впервые получили возможность более или менее широко познакомиться с различными сторонами жизни киргизов афганского Памира, о которых до настоящего времени имели лишь отрывочные сообщения различных путешественников. Среди них сравнительно более подробным и не потерявшим свою научную ценность до сих пор является описание киргизов афганского Памира в книге Бурхан-уд-Динхан-и-Кушкеки¹ (1923 г.). Первая попытка предварительной классификации всех тюркоязычных племен Афганистана была предпринята Г. Яррингом². Однако в его книге сведения о расселении и образе жизни киргизов Афганистана почти полностью заимствованы у Бурхан-уд-Дин-и-Кушкеки³.

Автор рецензируемой книги Реми Дор, молодой французский тюрколог, занялся изучением быта, культуры и языка киргизов Афганистана. Книга — результат обобщения полевых материалов, собранных автором и его женой Лаур Дор во время двух экспедиций на Памир — летом 1972 и 1973 гг. В первый раз, в июле 1972 г., автор побывал на Малом Памире и собрал лексический материал. Во второй раз, в июне-июле 1973 г., Реми Дор вместе с женой сначала отправился на Большой Памир, для сбора памятников устного народного творчества, а оттуда — на Малый Памир, чтобы продолжить работу предыдущего года. Несмотря на трудности пути и адаптации, а также ограниченное время, супруги Дор собрали разнообразный и оригинальный материал, представляющий большой интерес с историко-этнографической и языковедческой стороны.

Книга содержит очерк природы Памира и истории его изучения (гл. 1); обзор истории киргизского народа и расселения киргизов на Памире; сведения о родоплеменном составе и численности киргизов афганского Памира, об их внутреннем управлении и социальном строе (гл. 2); описание обрядов и обычаев, связанных со свадьбой, рождением и смертью (гл. 3); описание жилища, бытовых условий и хозяйства (гл. 4); пища (гл. 5); игр взрослых и детей (гл. 6). Книга иллюстрирована фотографиями, схемами узоров, чертежами юрт и планами стойбищ. В ней имеются список использованной литературы и указатели — предметный, географических и этнических названий, личных имен, а также киргизских терминов.

Исторический обзор, представляющий собой введение к вопросу о происхождении памирских киргизов, к сожалению, основан на данных, заимствованных из уже несколько устаревшей исторической литературы.

Передвижение киргизов в направлении высокогорных районов Памира и Алая Р. Дор связывает только с усилением экспансии калмыков в Семиречье и Туркестан в XVIII в. (стр. 72, 73)⁴. Однако, согласно указаниям источников, появление кирги-

¹ Бурхан-уд-Дин-Хан-и-Кушкеки. Каттаган и Бадахшан (перевод с персидского П. П. Введенского, Б. И. Долгополова и Е. В. Левкиевского, под редакцией, с примечаниями и с предисловием А. А. Семенова). Ташкент, 1926, с. 159—161.

² K. *Jarring*. On the distribution of Turk tribes in Afghanistan: an attempt at a preliminary classification. Leipzig, 1939.

³ Там же, с. 29, 30.

⁴ Здесь и далее в скобках указаны страницы рецензируемой книги.